

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

История о боли,
которую больше
не нужно прятать

ЛИЦО ЛУНЫ

Сергей Антонов
Лицо Луны. История о
боли, которую больше
не нужно прятать

<https://litres.ru/74163343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые раны не кровоточат. Они ходят с нами в школу, садятся за семейный стол, улыбаются на фотографиях и годами делают вид, что их нет.

«Лицо Луны» начинается как история нескольких подростков, которых взрослые отправили «исправляться». Но уже через несколько страниц становится ясно: спасать здесь нужно не только детей. Каждая встреча, каждое признание, каждый неловкий разговор снимают слой за слоем то, что люди привыкли прятать даже от самих себя. Буллинг, предательство, вина, страх, родители, которых невозможно перестать любить, даже если они причинили самую сильную боль.

Эта книга не давит на жалость. Она говорит честно. Иногда жестко. Иногда с таким теплом, что приходится откладывать чтение, чтобы перевести дыхание. После нее хочется позвонить тому, кому давно не находилось слов. А еще появляется редкое

чувство: возможно, с тем, что носишь внутри столько лет, не обязательно оставаться одному.

Содержание

Введение	5
Лицо луны	8
Опора, на которой стоят люди	34
Комната, где учатся не молчать	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Антонов

Лицо Луны. История о боли, которую больше не нужно прятать

Введение

Я много лет думал, что злость похожа на огонь. Красивая мысль, да только не совсем верная. Огонь хотя бы видно. Он трещит, пахнет дымом, оставляет черный след на стене. Злость чаще сидит тише. Человек пьет чай, смеется не в том месте, отвечает ровно, даже вежливо, а потом вдруг ломает свою жизнь об первое попавшееся слово. Не потому, что слово было страшным. Просто оно оказалось последним камешком в кармане.

Мне шестьдесят два. В таком возрасте уже не очень хочется изображать мудреца. Мудрецов я видел достаточно. Они любят говорить правильные вещи так, будто жизнь обязана им подчиниться. Я же видел другое. Парень может знать, что драться нельзя, и все равно бьет первым. Девочка может понимать, что мать не вернется, и все равно каждую ночь прислушивается к машине за окном. Учитель может сто раз объ-

яснить правила, а потом сам же закрыть глаза, потому что иначе придется спорить с тем, кто выше по должности.

Поэтому эта книга не про то, как быть хорошим. Хорошими люди и так стараются быть, когда у них есть силы. Она про то, что происходит, когда сил нет, а жить надо. Про ребят, которые слишком рано поняли: взрослые не всегда знают, что делают. Про взрослых, которым не хватает честности признать то же самое. И про разговоры, после которых никто не становится чистым и новым, зато иногда перестает врать хотя бы себе.

Когда я вернулся к работе консультанта, мне дали маленький кабинет, список фамилий и красивую папку с программой. В папке было написано, что наша задача - профилактика. Хорошее слово. Чистое, медицинское. В нем нет крика, пота, мокрых рукавов, разбитых губ, стыда после плохого поступка. Профилактика звучит так, будто беду можно заметить издали, поставить перед ней знак, натянуть ленту и вежливо попросить обходить справа. На практике беда часто уже сидит в комнате. Иногда она сидит в самом тихом кресле.

Я назвал группу Управление сердитыми. Не Управление гневом. Слишком гладко. Слишком похоже на буклет, который никто не дочитает. Сердитый человек еще живой. Он может ворчать, хамить, спорить, хлопать дверью, но в нем есть движение. Настоящая опасность начинается там, где человек перестает злиться вслух. Там он начинает делать с со-

бой то, что не смог сказать другим.

В первый день я написал на доске: если вам кажется, что ваша жизнь дрянь, возможно, вы правы. А ниже добавил: теперь решите, что будете делать к обеду. Ребята посмотрели на меня так, будто я пытался продать им подержанный трактор без колес. Это был хороший знак. Недоверие честнее восторга. Восторг в таких группах обычно означает, что человек еще не понял, куда пришел.

Я не собирался спасать этих ребят. От спасателей много шума. Они любят вбегать в чужую жизнь с ведром воды и сапогами, а потом удивляются, что затопили кухню. Я хотел сделать меньше: посадить их в одну комнату, закрыть дверь, объяснить пару правил и дожждаться момента, когда кто-нибудь перестанет показывать зубы и скажет человеческую фразу. Например: я боюсь. Или: я не знаю, что делать. Или совсем коротко: помогите.

Такие слова не звучат красиво. Зато с них можно начинать.

Лицо луны

В первый раз я увидел Егора утром, когда еще не рассвело. В спортзале пахло резиной, мокрыми полотенцами и кофе из автомата, который варил не кофе, а темную обиду. Я пришел туда не заниматься. В мои годы, если человек в пять утра поднимает штангу, он либо дисциплинирован, либо не хочет возвращаться домой. Мне надо было поговорить с тренером про одного мальчишку, но тренер опаздывал, а Егор уже лежал под штангой и смотрел на железный гриф так, будто тот задолжал ему деньги.

Он был крупный парень. Не просто полный. Полный звучит мягко, как булка. Егор был большой: плечи, живот, руки, круглая спина, походка человека, который давно делает вид, будто ему все равно, как на него смотрят. Такие ребята учатся смеяться первыми. Если успеешь назвать себя медведем, шкафом или грузовиком, у остальных остается меньше работы. Это не защита. Это налог, который они платят за вход в каждую комнату.

Он поднял штангу, выжал два раза, поставил на стойки и только тогда заметил меня.

- Вы из этих? - спросил он.

- Из каких?

- Которые спрашивают, как я себя чувствую, а потом записывают, что я сопротивляюсь контакту.

- Я обычно записываю хуже, - сказал я. - Но за хорошую формулировку могу поставить плюс.

Он сел, вытер лоб рукавом.

- Вы Нак?

- Ноби Накатани, но Нак короче.

- Егор. Но это вы знаете. У вас же список.

Списки у нас действительно были. В них дети становились строчками. Напротив каждой строчки стояли причины, по которым взрослые решили, что этому ребенку нужна помощь. Удобная штука для совещания. Бесполезная, если хочешь понять человека. У Егора в графе было написано: вспышки агрессии, драки, конфликт с родителями, риск исключения. Я бы добавил: умный язык, тяжелая обида, привычка выставлять живот вперед как щит. Но такие вещи в графы не помещаются.

- В группу придешь?

- Мне сказали, что если не приду, не допустят к выпускным экзаменам.

- Значит, придешь.

- Это добровольно, да?

- Почти все важное в школе добровольно именно так.

Он хмыкнул. Мне понравилось, что он не стал спорить ради спора. Есть ребята, которые спорят, чтобы выиграть секунду внимания. Егор сэкономил патроны.

Через десять минут в зал вошла Лена. Она была в темной толстовке с капюшоном и шла быстро, как человек, который

не любит, когда на него успевают посмотреть. Лицо у нее было обожжено с левой стороны: щека, край губы, кожа у глаза. Не киношный ужас, от которого люди вскрикивают. Хуже. Такая отметина заставляет окружающих делать вид, что они ничего не заметили, и от этого становится еще заметнее.

Егор увидел ее в зеркале, отвернулся слишком резко и понял, что отвернулся. Лена тоже поняла. В спортзале такие вещи слышно громче музыки.

- Смотри спокойно, - сказала она. - Оно не прыгает.

Егор покраснел. Для большого парня он краснел удивительно быстро.

- Я не хотел.

- Все не хотят. Это не мешает.

Я решил не вмешиваться. Взрослые слишком часто лезут туда, где подростки уже начали говорить правду. Потом удивляются, что правда спряталась обратно.

Лена подошла к беговой дорожке, включила ее и побежала. Не трусцой, не для вида, а сильно, упрямо, будто каждая минута на ленте была кому-то назло. Егор снова лег под штангу, но теперь думал не о железе. Это было видно по тому, как он забыл снять замки и попытался добавить блины только с одной стороны. Гриф качнулся. Я кашлянул.

- Убиться решил?

- Не сегодня, - сказал он и переставил вес.

Вот так я и познакомился с ними до группы. Один прятался за размером, другая за скоростью. Оба делали вид, что им

никто не нужен. Самый распространенный обман на земле.

В кабинете в тот день собралось восемь человек. Кабинет был маленький, с двумя книжными шкафами, старым ковром и окном на парковку. За окном школьные автобусы выдыхали серый дым, будто тоже не хотели начинать утро. Я поставил стулья кругом. Круг всегда раздражает тех, кто надеется отсидеться за чужой спиной. Поэтому я его и люблю.

Кроме Егора и Лены пришли еще шестеро. Тимур, красавец с лицом рекламного щита и глазами мальчика, который заранее знает, где аварийный выход. Маша, отличница, у которой руки были в тонких белых шрамах от кошки, которой у нее никогда не было. Артем, сын полицейского, молчаливый, как закрытый сейф. Соня, говорившая так много, что любые паузы в комнате казались ей личным оскорблением. И близнецы Рома и Денис, одинаковые только для тех, кому лень смотреть.

Я представился и рассказал им про правило комнаты. Все, что сказано здесь, не выходит за дверь. Исключения простые: если кто-то собирается убить себя, другого или ребенка поменьше, я становлюсь стукачом официально и без стыда. Тут Тимур поднял руку.

- А если я собираюсь убить математика?
- Смотря какого, - сказал Егор.

Комната впервые выдохнула. Даже Лена чуть улыбнулась. Улыбка у нее была осторожная, как кошка у чужого подъезда.

Я дал им лист с обещанием не выносить чужие истории. Рома спросил, считается ли чужой историей, если человек сам дурак. Я сказал, что особенно считается. Денис подписал первым. Маша долго читала, будто искала мелкий шрифт, в котором обещают продать ее органы.

- Тут нет ловушки, - сказал я.
- Так говорят люди с ловушками.
- Верно. Поэтому читай.

Когда лист вернулся ко мне, я положил его в папку и сказал то, что говорю всегда:

- Я не буду просить вас доверять мне. Доверие по просьбе не работает. Я буду просить только одно: не играть в умных циников дольше, чем нужно. Умный циник в семнадцать лет выглядит эффектно. В сорок он обычно сидит один на кухне и объясняет чайнику, почему все вокруг идиоты.

Соня сказала:

- А если все правда идиоты?
- Тогда тебе особенно пригодится компания.

Я рассказал им историю про парня, который называл такие группы не управлением гневом, а управлением сердитыми. В моей памяти его звали Витек. Он не умел подбирать слова, зато точно чувствовал, где взрослые врут. Его отец мог разбить тарелку об стену, а через пять минут спросить: чего ты дрожишь, я же тебя не тронул. Мать говорила: потерпи, у него работа тяжелая. Школа говорила: надо контролировать эмоции. Витек слушал и не понимал, почему все

говорят про его эмоции, когда опасность ходит по квартире в тапках сорок третьего размера.

Однажды он забыл закрыть клетку с хомяком. Хомяк убежал. Отец нашел его за холодильником, взял за шкурку, хотя у хомяков нет нормальной шкурки, и выбросил в окно с пятого этажа. Витек потом сидел у меня в кабинете и повторял: я его не удержал. Не отца. Хомяка. Он не мог простить себе, что маленькое теплое существо доверили ему, а он отвлекся. Через год Витек умер. Не красиво, не драматично, без записки. Просто сделал с собой то, что давно хотели сделать с ним чужие слова.

Когда я закончил, в комнате стало тихо. Подростки не любят, когда взрослый говорит о смерти без торжественного голоса. Им кажется, что положено или пугать, или утешать. А я не хотел ни того, ни другого.

- Поэтому группа называется так, - сказал я. - В память о тех, кто был не плохим, а сердитым и одиноким.

Маша смотрела в пол. Артем наконец поднял глаза. Егор перестал качать ногой. Лена сидела у окна, и свет делал шрам на ее щеке почти серебряным.

- Теперь вы, - сказал я. - Не вся жизнь. Одно предложение. Почему вы здесь?

Соня начала первой, конечно.

- Я здесь, потому что мама считает, что я слишком много говорю, а я считаю, что она слишком мало слушает.

- Подойдет.

Тимур сказал:

- Я здесь, потому что судья был в плохом настроении.
- Подойдет, но потом раскроешь.

Маша сказала:

- Я здесь, потому что все думают, будто если у тебя пятерки, с тобой все нормально.

Это было уже не остроумие. Это была дверь, приоткрытая на палец.

Артем долго молчал. Его молчание было плотным, не пустым.

- Я здесь, потому что не хочу стать как отец.

Я кивнул. Не стал спрашивать. В первый день лишний вопрос может убить нужный ответ.

Рома сказал, что пришел за компанию. Денис сказал, что Рома врет. Я записал оба ответа. Потом очередь дошла до Егора.

Он посмотрел на Лену, потом на меня.

- Я здесь, потому что однажды не успел ударить первым, и мне это до сих пор снится.

- Интересно, - сказал я.

- Ничего интересного.

- Для тебя, может, и нет. Для работы очень даже.

Лена сказала последней:

- Я здесь, потому что взрослые любят слово травма. Оно им помогает не говорить слово вина.

Никто не засмеялся. Даже Тимур. Особенно Тимур.

После занятия я отпустил всех раньше. Это старый прием. Если держать подростков до последней минуты, они выходят с чувством, что отбыли срок. Если отпустить раньше, они подозревают подвох и думают о разговоре дольше. Мне нравится, когда они думают не по расписанию.

Егор задержался у двери. Делал вид, что ищет телефон. Телефон торчал у него из кармана.

- Она всегда такая? - спросил он.

- Кто?

- Лена.

- Какая такая?

- Как нож.

- Ножи тоже бывают кухонные. Ими хлеб режут.

Он поморщился.

- Вы всегда так отвечаете?

- Когда не знаю нормального ответа.

Егор посмотрел в коридор. Лена стояла у автомата с водой. Она не пила, просто держала стаканчик.

- Я в зале сегодня на нее пялился, - сказал он.

- Пялился.

- Я не хотел.

- Хотеть не обязательно. Иногда глаза быстрее воспитания.

- Что мне теперь, извиниться?

- Если извиняешься, чтобы тебе стало легче, не надо. Если понял, что сделал ей неприятно, попробуй. Только коротко.

Без доклада о своих хороших намерениях.

Он кивнул так, будто я дал ему инструкцию по обезвреживанию гранаты. Потом подошел к автомату. Я не слышал всего разговора, но видел, как Лена сначала напряглась, потом пожала плечом. Егор сказал две фразы. Она одну. Он ушел красный. Она осталась у автомата и вдруг улыбнулась стаканчику с водой.

На следующей неделе Егор пришел в группу раньше всех. Это тоже знак. Те, кто правда не хочет быть здесь, приходят минута в минуту или позже, чтобы доказать хотя бы это. Он сел на стул у стены, хотя круг еще не был собран.

- Можно вопрос?

- Если без подготовки свидетелей.

- Вы правда думаете, что от разговоров что-то меняется?

Я поставил стулья.

- Нет. От разговоров часто ничего не меняется. Люди могут годами разговаривать и оставаться теми же упрямыми бедолагами. Меняется от того, что в разговоре человек вдруг слышит собственную фразу и понимает: вот она, гадина, вот на чем я живу.

- И что потом?

- Потом обычно неприятно.

- Отличная реклама.

- Какая есть.

Он помог мне поставить остальные стулья. Делал это неловко, с избыточной силой, будто стулья тоже могли его

обидеть.

Лена пришла последней. На ней была зеленая куртка, слишком яркая для человека, который хочет исчезнуть. Я отметил это про себя. Иногда первое выздоровление начинается не с признаний, а с цвета.

Темой дня был худший момент. Я не просил рассказывать самый страшный. Страшный люди часто выбирают как витрину. Там уже все понятно: кровь, больница, полиция, пожар, похороны. Худший момент иногда выглядит тише. Мать не пришла на утренник. Отец не посмотрел в глаза. Друг сделал вид, что не знает тебя, когда рядом стояли нужные люди.

- Не обязательно сегодня, - сказал я. - Можно слушать. Можно сказать: пас. Но если рассказываете, не украшайте. Украшательство оставьте для выпускного альбома.

Тимур поднял руку.

- А можно худший момент, который смешной?

- Если он правда худший, можно. Если смешной только потому, что страшно, тоже можно.

Он рассказал, как в тринадцать украл у отчима часы, продал их за смешные деньги и купил бабушке лекарства, потому что мать пропила пенсию. Смешного там не было ничего, кроме того, что отчим потом заявил в полиции цену в десять раз выше и назвал часы семейной реликвией, хотя купил их в ломбарде месяц назад. Тимур рассказывал легко. Слишком легко. Его легкость была как лак на гнилом дереве. Блестит,

пока не нажмешь.

Маша сказала, что худший момент случился на кухне, когда отец хвалил ее за победу на олимпиаде, а она думала только о том, как бы незаметно спрятать руки под стол. Она не стала объяснять про руки. Никто не спросил. В хорошей группе люди учатся не хватать чужую боль голыми пальцами.

Артем сказал: пас. Это был честный ответ.

Потом Егор заговорил.

- В седьмом классе меня заперли в раздевалке после физры. Ну, не заперли, дверь держали снаружи. Я был в трусах. Они забрали форму, телефон и очки. Я без очков вижу так себе, но тогда еще стеснялся их носить, потому что и так хватало поводов. Они кричали, что выпустят, если я станцую.

Он говорил ровно. Слишком ровно.

- Я не танцевал. Сидел на лавке. Потом они начали снимать через щель. Я кинулся к двери, поскользнулся и разбил нос. Кровь пошла на живот, на пол, всюду. Они испугались и убежали. Я сидел еще минут десять, потому что не понял, что дверь уже свободна.

Соня тихо выругалась. Я не остановил. Некоторые ругательства точнее сочувствия.

- Потом? - спросила Лена.

Егор посмотрел на нее.

- Потом я нашел одного из них через неделю и ударил. Сильно. Он упал затылком о бордюр. Сотрясение. Его мать орала на мою мать в кабинете директора. Моя мать плакала и

просила меня извиниться. А я думал только о том, что надо было ударить раньше. До раздевалки. До крови. До того, как они поняли, что со мной можно.

В комнате стало тесно. Не физически. Просто каждая история, рассказанная честно, занимает место.

- Вот почему ты здесь, - сказала Лена.

Егор кивнул.

- Наверное.

- Ты все еще там сидишь, - сказала она.

Он дернулся.

- Что?

- В раздевалке. Дверь уже открыта, а ты сидишь.

Я приготовился вмешаться, если он взорвется. Но Егор только опустил голову. Большие ребята иногда плачут без слез. У них лицо остается сухим, зато воздух вокруг становится мокрым.

- А ты где сидишь? - спросил он.

Лена усмехнулась.

- Красиво перевел.

- Ты первая начала.

Она могла ударить словом. Умела. Я видел, как оно уже лежит у нее на языке. Но она почему-то не ударила.

- На лестнице, - сказала Лена. - Мне было пять. Мать сказала, что мы уезжаем. Велела собрать игрушки. Я побежала в комнату, взяла зайца, платье для куклы и коробку с бусинами. Когда вернулась, дверь была открыта, а машины уже

не было.

Никто не шевелился. Даже близнецы.

- Отец был в запое. Он спал на диване. Я сидела на лестнице до вечера и держала этого дурацкого зайца. Думала, что она вернется, потому что взрослые не могут так. Потом поняла, что могут. Не сразу. Дети долго защищают взрослых от правды.

Она коснулась обожженной щеки. Не театрально. Будто проверяла, на месте ли кожа.

- Через год он толкнул меня на плиту. Все сказали, несчастный случай. Мать к тому времени жила в другом городе. Мне потом говорили: она была молодая, она боялась, ей самой было плохо. Возможно. Но мне было пять. Я тоже боялась. Почему ее страх оказался важнее моего?

Вот за такие минуты я и ненавижу красивые методички. В них написано: дать группе возможность поддержать участника. А как поддержать того, кому в пять лет объяснили, что любовь может уехать на старой машине и не вернуться? Положить руку на плечо? Сказать: мне жаль? Иногда лучше дать тишине сделать свою работу.

Егор сказал:

- Она потом появилась?

Лена посмотрела на окно.

- Один раз. Когда мне было шестнадцать. Я сама нашла. Она работала в кафе. Увидела меня и сначала не узнала. Потом узнала и стала такой маленькой. Я думала, что если най-

ду ее, то все выясню. А выяснилось только, что она маленькая. Маленькие люди тоже умеют бросать детей.

- Что ты ей сказала?

- Ничего умного. Спросила, почему. Она сказала: я не могла иначе.

Лена улыбнулась без радости.

- Самая удобная фраза на свете.

Маша вдруг сказала:

- А ты поверила?

- Нет. Но мне хотелось. Если бы правда не могла иначе, тогда и я не была бы недостаточной. Тогда просто судьба, плохая погода, сломанный мост, что угодно. А если могла, но не сделала, значит, она посмотрела на меня и решила: без тебя легче.

Егор сжал кулаки. На этот раз не для драки. Иногда человек сжимает кулаки, чтобы удержать чужую боль, потому что ладони слишком мягкие.

- Я бы поехал с тобой еще раз, - сказал он.

Лена уставилась на него.

- Куда?

- К ней. Если надо.

- Зачем?

- Не знаю. Спросить нормально. Не в кафе. Не на бегу.

- Ты меня знаешь две недели.

- Да. Но у меня машина.

Соня фыркнула. Тимур засмеялся. Лена тоже, совсем ко-

ротко. И в этот смех вошло что-то новое. Не радость. До радости было далеко. Но щель в стене появилась.

После группы она догнала меня у лестницы.

- Он серьезно?

- Насчет машины?

- Насчет поездки.

- У больших парней часто маленький опыт, но намерения бывают настоящие.

- Вы бы разрешили?

- Ты спрашиваешь как несовершеннолетняя или как человек, который уже решил?

- Мне восемнадцать через месяц.

- Значит, как человек, который уже почти решил.

Она посмотрела на меня с раздражением. Хорошим, живым раздражением.

- Вы не можете просто сказать да или нет?

- Могу. Нет, если это побег. Да, если это разговор, к которому ты готова услышать плохой ответ.

- А если я не готова?

- Тогда ты обычный человек. К плохим ответам никто не готов. Просто иногда надо перестать репетировать в голове хороший.

Она ушла, не попрощавшись. Это у нас считалось почти доверием.

Через три дня Егор пришел ко мне с распечатанной картой. Бумажной. Я давно не видел бумажных карт у подрост-

ков и даже растрогался, хотя виду не подал. На карте был обведен городок в шести часах езды.

- Она там, - сказал он.

- Кто нашел?

- Лена. Через старую знакомую.

- И ты хочешь везти ее.

- Да.

- Родители знают?

Он посмотрел на меня так, будто я спросил, умеет ли его машина читать стихи.

- Нет.

- Значит, начнем с этого.

- Мама не пустит.

- Возможно.

- Отец скажет, что я идиот.

- Тоже возможно.

- Вы на чьей стороне?

- На стороне того, чтобы ты не добавил к чужой беде свою глупость.

Он сел. Стул под ним жалобно скрипнул.

- Я не хочу быть глупым. Я хочу быть полезным.

Вот тут с Егором стало можно работать. Пока человек хочет быть хорошим, он часто врет. Когда хочет быть полезным, он хотя бы смотрит на задачу.

Мы составили план. Не романтический, не киношный. Позвонить матери. Сказать, куда едет и зачем. Выслушать

крик. Не кричать в ответ. Взять деньги, документы, зарядку, адрес, номер Лены и мой номер. Договориться, что если Лена скажет поворачивать назад, он повернет. Не уговаривать, не спасать, не произносить речи про прощение. Особенно не произносить речи про прощение. У подростков и так достаточно взрослых, которые торопят их простить, чтобы самим не чувствовать неловкость.

- А если ее мать опять скажет что-нибудь мерзкое?

- Тогда ты молчишь.

- А если Лена развалится?

- Она не вещь, чтобы развалиться. Но если ей станет плохо, ты сидишь рядом. Вода, салфетки, тишина. Это твой набор.

- Звучит мало.

- Потому что ты хочешь сделать большое. Большое часто делают от страха. Маленькое иногда помогает лучше.

Он ушел недовольный, но с планом. Это лучше, чем довольный без плана.

Поехали они в субботу. Я узнал об этом не сразу. Егор прислал сообщение в семь утра: выехали. Я написал: правило разворота помнишь? Он ответил: помню. Через минуту пришло второе: она тоже помнит. Я представил Лену, читающую через его плечо, и впервые за неделю спокойно выпил кофе.

В дороге они почти не разговаривали. Потом Егор рассказывал мне это с удивлением, будто молчание было отдель-

ным пассажиром, которого забыли высадить. Лена включала музыку. Старые песни, где мужчины с хриплыми голосами пели так, будто простуда и совесть жили у них в одной комнате. Егор хотел шутить, но сдерживался. Один раз не сдержался и спросил, считается ли их поездка свиданием, если целью является встреча с матерью, которая бросила ребенка. Лена сказала, что если он еще раз употребит слово свидание рядом с этой темой, она откроет дверь на скорости. Он поверил. Правильно сделал.

Они нашли дом ближе к вечеру. Небольшой, с облезлым забором и детским велосипедом у крыльца. Велосипед был розовый. На руле висела пластиковая табличка с именем. Не Лена. Другое имя. Но велосипед все равно сделал свое дело. Потому что у брошенных детей есть особый взгляд на чужие велосипеды у родительских домов. Они видят не транспорт. Они видят доказательство, что у кого-то получилось остаться.

Лена не вышла из машины минут десять. Егор сидел рядом и молчал. Потом нарушил инструкцию.

- Можем уехать.

Она сказала:

- Я знаю. Поэтому пока не уезжаем.

Мать открыла дверь не сразу. Женщина лет сорока, хотя выглядела старше. Усталое лицо, волосы собраны кое-как, руки в муке. Она пекла пирог. Эта подробность почему-то разозлила Лену сильнее всего. Потом она сказала: я дума-

ла, у нее должен быть запах сигарет, больницы, чего-нибудь пропащего. А там был пирог. Нормальный дом. Нормальный вечер.

Женщина увидела Лену и схватилась за косяк. Не упала. Не бросилась обнимать. Не сказала: доченька. Просто схватилась за косяк, как за край лодки.

- Здравствуй, - сказала Лена.

Мать кивнула.

- Ты одна?

Егор, стоявший чуть позади, кашлянул.

- Почти, - сказала Лена.

И тут из дома выбежала девочка лет семи. С мукой на носу. Она прижалась к ноге женщины, посмотрела на Лену, на ее лицо, потом на Егора, потом снова на Лену. Дети смотрят честно, пока их не научили вежливому вранью.

- Мам, кто это?

Мам. Слово ударило быстрее, чем можно было приготовиться.

Лена потом говорила, что в этот момент все ее вопросы стали глупыми. Почему ты ушла? Почему не забрала? Думала ли обо мне? Высылала ли открытки? Искала ли мой номер? Все это провалилось в одну яму, на дне которой лежало детское мам.

Женщина сказала девочке идти на кухню. Та не пошла. Дети тоже чувствуют, когда взрослые лгут дверями и голосом.

- Я ненадолго, - сказала Лена. - Хотела спросить одну вещь.

Мать закрыла глаза.

- Не надо.

- Надо.

Егор стоял на крыльце и вспоминал мои инструкции. Вода, салфетки, тишина. Никакого спасательства. Он держался. Я бы на его месте, возможно, не удержался. Возраст не всегда делает человека умнее, просто у него становится больше старых ошибок для сравнения.

- Ты могла забрать меня? - спросила Лена.

Женщина начала плакать сразу, без разгона.

- Я боялась.

- Это не ответ. Ты могла?

Девочка на кухне тоже заплакала. Пирог пах корицей. Егор потом сказал, что этот запах теперь будет ненавидеть всю жизнь, хотя раньше корица ничего плохого ему не делала.

Мать села прямо на порог.

- Могла, - сказала она. - Один раз точно могла. В ту ночь. Я могла вернуться за тобой. Я дошла до угла и стояла там. Машина ждала. Я стояла и думала: сейчас вернусь. Потом подумала, что он проснется, догонит, убьет нас обоих. Потом подумала, что без тебя я хотя бы выберусь. Потом села в машину.

Это был плохой ответ. Самый плохой из возможных, по-

тому что в нем не было защиты. Ни судьбы, ни невозможно-
сти, ни красивой трагедии. Просто человек выбрал себя.

Лена кивнула. Один раз.

- Спасибо, - сказала она.

Мать подняла голову.

- За что?

- За то, что не соврала. Поздно, но не соврала.

Она повернулась к машине. Егор пошел рядом. Уже у ка-
литки девочка выбежала за ними.

- У вас лицо как луна, - сказала она Лене.

Лена остановилась. Егор тоже. Мать на крыльце закрыла
рот рукой.

Девочка испугалась.

- Я не хотела плохо. Просто у луны тоже пятна, а она кра-
сивая.

Лена присела перед ней. Не сразу. Сначала будто боролась
с тем, что в ней поднималось. Потом присела.

- Как тебя зовут?

Девочка сказала.

- Красивое имя. Береги его.

- А вас?

Лена помолчала.

- Меня тоже Лена.

Девочка улыбнулась так, как улыбаются дети, когда нахо-
дят совпадение и считают его подарком.

В машине Лена молчала первые сорок километров. Егор

вел аккуратно, обеими руками держась за руль, будто сдавал экзамен перед строгим богом дорожного движения. Потом она сказала:

- Она могла.
- Да.
- Я всю жизнь хотела, чтобы не могла.
- Понимаю.
- Не понимаешь.
- Не понимаю, - согласился он.

Это был лучший ответ за всю поездку.

Она заплакала не сразу. Сначала злилась. Ругала мать, дом, пирог, девочку, себя, Егора, дорогу, меня, хотя меня там не было. Потом голос у нее сел. Потом она отвернулась к окну. Потом сказала, что больше не хочет быть храброй. Егор свернул к закрытой заправке, остановился под фонарем, нашел в бардачке салфетки и бутылку воды. Сидел рядом. Не трогал, пока она сама не ткнулась лбом ему в плечо. Он потом признался, что боялся дышать.

Вернулись они ночью. В понедельник группа была другой. Не лучше. Другая. Такие вещи меняют не только тех, кто ездил. История, доведенная до конца, даже плохого, перестает шевелиться под столом.

Лена рассказала немного. Не все. Никто не имеет права на всю чужую историю только потому, что сидит в кругу. Она сказала, что мать могла забрать ее и не забрала. Сказала, что от правды не стало легче, зато стало тише. Сказала про де-

вочку и лицо луны. На этом месте Соня заплакала. Соня, которая обычно закрывала любую паузу словами, плакала молча и злилась, что плачет.

Егор сидел рядом с Леной. Не слишком близко. Близость после чужой боли надо дозировать. Он выглядел уставшим и немного взрослым. Не навсегда. Подростки не взрослеют навсегда за выходные, как бы нам ни хотелось. Во вторник он наверняка снова скажет какую-нибудь глупость. Но в понедельник он знал, что иногда помощь состоит в том, чтобы не мешать человеку услышать плохой ответ.

- Что теперь? - спросил Артем.

Он редко говорил, поэтому все повернулись.

Лена пожала плечами.

- Теперь я знаю, что дверь была открыта. Просто не для нее. Для меня.

Егор посмотрел на нее, но промолчал. Я тоже. Иногда подросток выдает фразу, за которую взрослый автор отдал бы полгода работы, и лучшее, что можно сделать, не испортить ее объяснением.

После занятия я остался в кабинете один. За окном начался снег, первый в этом году, мелкий и нерешительный. На столе лежали мои записи. Против фамилии Егора я написал: сила есть, учиться не давить. Против фамилии Лены: правда больше надежды, но устойчивее. Потом зачеркнул вторую запись. Слишком красиво. Написал проще: услышала плохой ответ и не исчезла.

Это было точнее.

Вечером я встретил их у выхода из школы. Егор нес Ленин рюкзак и делал вид, что это случайно. Лена делала вид, что не замечает. Обычное великое начало всех человеческих дел: двое врут по мелочи, чтобы не испугать правду покрупнее.

- Нак, - окликнула она.

- Что?

- В следующий раз можно я пас?

- Можно.

- Хорошо.

Она пошла дальше. Егор задержался на секунду.

- Я ничего не испортил?

- Испортил, конечно. Ты живой человек. Но главного не испортил.

Он кивнул, будто получил оценку выше ожидаемой, и догнал Лену. Снег падал им на плечи и сразу таял. Я смотрел вслед и думал о Витьке, о тех, кто не дождался своей открытой двери, о ребятах, которые сидят в раздевалках собственной памяти и не знают, что ручку уже можно повернуть.

Я не верю в быстрые исцеления. Слишком много раз видел обратное. Человек может рассказать страшную правду в понедельник и сорваться в среду. Может простить утром и снова возненавидеть к ужину. Может решить жить, а через неделю опять испугаться этой задачи. Но есть маленькие признаки, за которые стоит держаться. Егор не ударил. Лена

не исчезла. Группа слушала и не превратила чужую боль в спектакль.

Для одного зимнего дня этого достаточно.

А если кому-то кажется, что достаточно должно быть больше, пусть сам посидит вечером в школьном кабинете, где пахнет пылью, мокрыми куртками и дешевым кофе, и попробует удержать рядом восемь сердитых детей. Не исправить. Не перевоспитать. Просто удержать до следующей встречи. Иногда жизнь начинается именно так: человек не уходит, хотя мог бы.

На следующем занятии Тимур принес булочки. Сказал, что украл их из столовой, но это была неправда, он купил их в магазине за углом. Маша впервые пришла без длинных рукавов. Артем снова сказал пас, зато остался после группы и спросил, можно ли иногда ненавидеть отца и любить его в один и тот же день. Я сказал, что люди обычно так и делают, просто стесняются признаться.

Лена села у окна. Егор сел через стул, хотя свободное место рядом было. Я оценил эту мудрость выше любой речи. За окном висела дневная луна, бледная, почти стертая, но упрямая. Лена посмотрела на нее и усмехнулась.

- Что? - спросил Егор.

- Ничего. Просто у нее сегодня тоже лицо помятое.

- Все равно нормально выглядит.

- Ты специалист?

- Уже почти.

Она закатила глаза, но не отвернулась. В комнате стало теплее, хотя батареи работали так же плохо.

Я открыл папку, достал чистый лист и сказал:

- Сегодня поговорим о том, что делать, когда хочется ударить, но рядом нет виноватого.

Рома поднял руку.

- А если виноватый рядом?

- Тогда особенно поговорим.

И мы начали. Не с нуля. С того места, до которого сумели дойти.

Опора, на которой стоят люди

Я долго не доверял разговорам о лидерстве, где всё сводят к силе характера. Будто достаточно быть твёрдым, честным, прямым, и люди сами встанут рядом. Нет, не встанут. Они могут уважать такого человека, могут признавать его порядочность, но за ним не пойдут далеко, если он не умеет двигать дело вперёд и одновременно видеть живых людей вокруг себя.

Фундамент нужен. Без него всё трескается. Но фундамент сам по себе ещё не дом. На нём надо стоять, ходить, работать, собирать людей, спорить, принимать неприятные решения и не превращать всё это в холодную машину. Вот тут и появляется то, что я называю опорой руководителя. С одной стороны, воля к результату. С другой, способность заботиться.

На бумаге это звучит просто. На практике почти каждый перетягивает в одну сторону.

Один начальник приходит спасать предприятие и первым делом режет людей. Быстро, уверенно, с видом хирурга. Цифры улучшаются. Отчёт выглядит бодро. В коридорах становится тихо. Люди, которые остались, начинают не работать лучше, а оглядываться. Кто следующий? Что теперь нельзя говорить? Сколько ещё надо потерять, чтобы верхний этаж решил, что всё под контролем? Такой человек может добиться краткого эффекта. Но он часто разрушает то, на

чём держалась работа: доверие, взаимную выручку, память о том, как здесь принято вытаскивать трудные задачи.

Другой начальник добр, мягок, всем сочувствует. Он видит усталость людей, семейные обстоятельства, болезнь ребёнка, долги, плохое настроение. Он не хочет никого обидеть. Ему легче взять лишнее на себя, чем прямо сказать: ты не справляешься. Он откладывает разговоры. Подменяет требовательность терпением. Сначала его любят. Потом самые сильные начинают уходить, потому что видят: рядом можно годами тянуть работу вниз, и ничего не случится. Добро без требовательности тоже бывает жестоким, только бьёт оно не сразу.

Лидерство начинается там, где человек отказывается выбирать только одно. Надо уметь доводить дело до конца и не терять людей по дороге. Не всех сохранить. Это невозможно. Не всех утешить. Это тоже невозможно. Но нельзя строить победу так, будто люди являются расходным материалом.

Я видел это в маленьких делах. Команда готовит важный проект. Срок горит. Один сотрудник третий день подряд сдаёт сырой материал. Руководитель может сорваться и сказать при всех то, что потом ещё месяц будет висеть в воздухе. Может промолчать и ночью переписать всё сам. А может посадить человека рядом, разобрать два конкретных промаха и дать ему понятную задачу на утро. Жёстко? Да. Заботливо? Тоже да. Потому что забота не всегда похожа на мягкую речь. Иногда забота состоит в том, чтобы не позволить чело-

веку дальше проваливаться молча.

Воля к результату

У людей, которые ведут других, редко бывает спокойный внутренний ход. Они не умеют долго смотреть на беспорядок и делать вид, что всё само устроится. Их тянет действовать. Не суетиться, не раздавать поручения ради шума, а именно двигать дело. Они не выносят пустых совещаний, где все понимают проблему, но никто не берёт первый шаг.

Воля к результату проявляется не в громком голосе. Громкий голос часто скрывает слабость. Настоящее стремление к достижению заметно по другому. Человек снова возвращается к цели. Он спрашивает: что уже сделано? что мешает? кто отвечает? когда проверим? Он не даёт делу расползтись по разговорам. Ему не всё равно, чем закончится неделя.

Есть люди, которые ждут кризиса. Они оживают только тогда, когда всё горит. Пожар даёт им право командовать. Но сильный руководитель не обязан ждать катастрофы. Его работа труднее как раз в обычные дни, когда никто не чувствует опасности. Когда можно перенести, смягчить, отложить, придумать ещё одну причину не начинать. В такие дни и видно, есть ли у человека внутренняя тяга к делу.

Ганди не был похож на человека, который должен был сдвинуть империю. Невысокий, спокойный, без военной силы, без богатства, без привычной власти. Но он обладал редкой настойчивостью. День за днём он делал то, что считал нужным: говорил, ездил, писал, спорил, принимал наказа-

ние, начинал заново. Его сила была не в разовом рывке, а в постоянстве. Многие крупные перемены начинались именно так: не с удара кулаком по столу, а с человека, который много лет не отступал от выбранной линии.

Воля к результату не терпит красивой неопределённости. Она заставляет переводить мечту в работу. Если организация говорит: мы хотим стать лучшими, это ещё почти ничего не значит. Лучшие в чём? Для кого? К какому сроку? Что перестанем делать? Что начнём делать каждый день? Кого научим? С кем расстанемся? Какие привычки поменяем? Пока нет ответов, перед нами не цель, а туман.

Теодор Рузвельт был человеком действия почти физически. Ему было тесно в покое. Он хотел видеть, пробовать, спорить, строить, вмешиваться. В таком темпераменте есть опасность: можно перепутать движение с пользой. Но когда энергия соединяется с умом и ясной целью, она даёт организации мощный толчок. Люди чувствуют: наверху не ждут удобного момента, там уже начали.

Работа руководителя часто состоит в том, чтобы не дать людям утонуть в сложности. Большая задача пугает. Она кажется неподъёмной. Тогда одни начинают философствовать, другие искать виноватых, третьи делают мелочи, чтобы не касаться главного. Человек с волей к достижению режет задачу на части. Не потому, что мыслит мелко. А потому, что первый выполнимый шаг лучше самой вдохновенной речи.

Но тут есть ловушка. Результат может стать идолом. Ра-

ди него начинают терпеть хамство талантливого сотрудника, скрывать ошибки, украшать отчёты, выжимать людей до пустоты. Внешне всё ещё выглядит деловито. На деле организация уже теряет себя. Она может некоторое время бежать на страхе, тщеславии или усталости. Долго так не получается.

Я не верю в руководителя, который говорит: мне важны только результаты. Обычно это значит, что он не умеет работать с людьми или не хочет платить внутреннюю цену за такую работу. Результаты делают люди. Не должности, не схемы, не таблицы. Таблицы помогают увидеть ход дела, но они ничего не поднимут с пола, не выйдут к клиенту, не успокоят новичка, не признают ошибку перед командой. Человек, который презирает эту простую вещь, рано или поздно проигрывает, даже если какое-то время побеждает.

Способность заботиться

Забота в лидерстве часто звучит подозрительно. Некоторые слышат в этом слабость. Им кажется, что стоит начать заботиться о людях, и организация расползётся: каждый принесёт свои обстоятельства, каждый попросит исключение, каждый захочет меньше работать. Такое бывает, если заботу путают с бесконечным оправданием.

Заботиться не значит соглашаться со всем. Заботиться значит видеть человека целиком, а не только его функцию. У него есть страхи, гордость, усталость, надежды, домашняя жизнь, предел сил. Он может ошибаться не потому, что плох, а потому, что его не научили, перегрузили, поставили не ту-

да или оставили одного там, где нужен напарник. Руководитель не обязан всё это лечить. Но он обязан учитывать, если хочет вести людей, а не просто использовать их.

Франклин Рузвельт вырос в привилегированном мире. По обычной логике он мог бы остаться политиком богатых салонов. Но болезнь изменила его. Полиомиелит лишил его возможности свободно ходить и заставил прожить зависимость, боль, унижение, долгую реабилитацию. Человек, который сам столкнулся с беспомощностью, иначе смотрит на чужую беду. Не всегда, конечно. Страдание не делает людей автоматически мудрыми. Но у Рузвельта оно открыло способность слышать страну, в которой миллионы потеряли работу, деньги и уверенность в завтрашнем дне.

Люди редко идут за тем, кто ими не интересуется. Они могут подчиняться. Могут выполнять инструкции. Могут даже хорошо работать, если система сильная и платит исправно. Но в трудный час они не будут отдавать больше необходимого человеку, который никогда не видел в них людей.

Забота проявляется в мелочах, которые невозможно прописать в положении. Руководитель замечает, что обычно бодрый сотрудник вторую неделю молчит. Он спрашивает не для галочки. Он помнит, кто взял на себя лишнюю смену. Он не присваивает чужую работу. Он не шутит над тем, что для человека болезненно. Он умеет сказать: иди домой, сегодня ты уже ничего полезного не сделаешь. И умеет сказать: я понимаю, что тебе трудно, но задачу всё равно надо выполнить.

Самое сложное как раз в последней фразе. Многие умеют только первую половину: я понимаю, что тебе трудно. Другие умеют только вторую: задачу надо выполнить. Лидер соединяет обе. С этого соединения и начинается доверие взрослого типа. Не детская вера в доброго начальника и не страх перед жёстким. Доверие к человеку, который видит реальность и не прячется ни за сентиментальность, ни за холодность.

Ганди говорил о развитии сердца не как о красивой добавке к уму. Для него это было условием действия. Его борьба строилась на том, что противника нельзя лишать человеческого достоинства, даже если он сильнее и несправедлив. Это трудно принять людям, которые привыкли считать заботу наградой для своих. Но лидерство часто проверяется отношением к тем, кто неудобен: к проигравшим, к слабым, к ошибившимся, к тем, кто не может ответить тем же.

В организации это видно после провала. Пока всё идёт хорошо, почти каждый говорит о ценностях. Но вот проект сорвался. Клиент недоволен. Деньги потеряны. Кто-то допустил ошибку. И тут сразу становится ясно, какой порядок настоящий. Будут искать правду или козла отпущения? Будут разбирать причины или устраивать публичную казнь? Будут исправлять систему или делать вид, что виноват один человек? Забота не отменяет ответственности. Она не даёт ответственности превратиться в расправу.

Равновесие

Воля к достижению без заботы сушит людей. Забота без

воли к достижению расслабляет и обманывает. Одно без другого портится быстро.

Есть руководители, которые гордятся своей жёсткостью. Они говорят: я не обязан нравиться. Верно, не обязан. Но если люди рядом с ним постоянно чувствуют себя униженными, если они боятся приносить плохие новости, если любое несогласие воспринимается как измена, то дело не в нелюбви к популярности. Дело в слабом понимании людей. Такой начальник может считать себя требовательным, но часто он просто груб.

Есть и другие. Они гордятся тем, что у них человеческая атмосфера. Все улыбаются, все обращаются по имени, никто не повышает голос. Но задачи переносятся, слабые решения живут годами, сильные сотрудники несут на себе чужую работу, а руководитель говорит: ну вы же понимаете, у всех сложный период. Это не человечность. Это уход от ответственности, только в мягкой упаковке.

Равновесие требует мужества. Надо выдерживать недовольство тех, кому ты поставил срок. Надо выдерживать боль того, кого ты честно оцениваешь. Надо выдерживать собственное желание понравиться. Надо выдерживать и другое желание: хлопнуть дверью и показать всем, кто здесь главный. Руководитель каждый день выбирает не между мягкостью и жёсткостью, а между пользой и удобством для себя.

Иногда забота состоит в ясности. Человеку спокойнее, когда он понимает, чего от него ждут. Расплывчатые поручения

мучают. Сегодня начальник говорит одно, завтра другое, послезавтра раздражается, что его не поняли. Потом объявляет команду безответственной. На деле он сам не сделал свою работу. Он не сформулировал цель, не назвал срок, не объяснил критерий качества, не проверил понимание.

Иногда забота состоит в том, чтобы убрать лишнее. Команды редко погибают от одной большой задачи. Чаще они задыхаются от множества мелких, плохо согласованных требований. Каждый отдел просит отчёт. Каждый руководитель считает свой вопрос срочным. Каждая новая инициатива объявляется обязательной, но старые обязанности никуда не исчезают. Люди начинают работать дольше, но хуже. Умный руководитель не только добавляет цели. Он снимает мусор с дороги.

Иногда забота состоит в защите. Сильный руководитель прикрывает команду от бессмысленного давления сверху и от чужого хаоса. Он не пересылает вниз каждую тревожную мысль, пришедшую на совещании. Он разбирается, что действительно надо сделать, а что является шумом. Для команды это бесценно. Люди могут работать, когда знают: их не будут дёргать по каждому поводу.

Но и воля к результату должна быть видна. Нельзя бесконечно объяснять, почему ничего не получилось. Люди уважают того, кто доводит дело. Даже если трудно. Даже если ресурсов мало. Даже если приходится менять план. Победа не всегда означает блестящий финал. Иногда победа в том,

что команда не развалилась, клиент получил честный ответ, ошибка исправлена, а люди стали взрослее.

Проверка на кризис

Кризис не создаёт характер из воздуха. Он только быстро показывает, что было внутри. Когда всё спокойно, можно говорить правильными словами. В кризисе слова сокращаются. Остаются привычки.

Если руководитель привык слушать людей, он и в кризисе быстрее узнает правду. Если он годами наказывал за плохие новости, в кризисе ему будут врать или молчать. Если он заранее строил доверие, ему поверят, когда он скажет: будет тяжело, но план есть. Если доверия не было, даже хороший план встретят с подозрением.

В такие минуты особенно нужна воля к действию. Нельзя бесконечно собирать сведения, когда решение уже назрело. Но и нельзя топтать людей ради скорости. Руководитель должен отделить срочное от важного, главное от второстепенного, страх от факта. Он должен говорить коротко и честно. Люди в кризисе плохо переносят туман. Они могут выдержать тяжёлую правду. Хуже всего они переносят бодрую ложь.

Я вспоминаю одну простую сцену. Небольшая компания теряет крупного заказчика. В кабинете руководителя сидят начальники направлений. Все понимают: денег станет меньше, часть проектов придётся закрыть. Один предлагает сразу сократить людей по списку зарплат. Другой говорит, что

надо тянуть всех до последнего, вдруг появится новый контракт. Оба предложения удобны своей простотой. Первый спасает цифры и ломает доверие. Второй сохраняет добрый вид и рискует утопить всех.

Сильное решение обычно неприятнее. Разобрать, какие направления имеют шанс, какие нет. Сказать людям правду до слухов. Предложить части сотрудников переход, части помочь с рекомендациями, часть нагрузки перераспределить. Сохранить тех, кто нужен для будущего, но не делать вид, что никто не пострадает. Это большая работа. В ней нет красивого блеска. Зато в ней есть уважение к делу и к людям.

Человек, который умеет только достигать, выберет резкий удар. Человек, который умеет только жалеть, выберет отсрочку. Руководитель должен сделать третье: принять решение и не прятать от себя его цену.

Личная дисциплина

Нельзя требовать от организации того, чего нет в самом руководителе. Если он хочет, чтобы люди держали слово, он сам должен держать слово. Если хочет собранности, ему придётся быть собранным. Если хочет заботы, ему нельзя позволять себе равнодушие в мелочах.

Воля к достижению начинается с собственного режима. Не обязательно вставать в пять утра и всем об этом рассказывать. Речь не о показной бодрости. Речь о способности каждый день возвращаться к главному. У руководителя всегда найдётся тысяча поводов заняться второстепенным. Почта,

встречи, чужие просьбы, срочные разговоры. День проходит, сил нет, а главное не сдвинулось. Так неделя за неделей человек превращается в занятого наблюдателя.

Нужна простая дисциплина: назвать три дела, без которых неделя будет пустой, и довести их. Проверить, кто ждёт твоего решения. Убрать одно лишнее совещание. Написать один ясный документ вместо пяти разговоров. Поговорить с одним человеком, с которым давно надо было поговорить. Никакой торжественности. Просто делать.

Способность заботиться тоже требует дисциплины. Она не держится на хорошем настроении. Сегодня руководитель выспался и любезен, завтра устал и режет всех одной фразой. Люди быстро понимают: дело не в принципах, а в погоде внутри начальника. Забота как качество начинается там, где человек управляет собой. Он может быть раздражён, но не обязан унижать. Может быть занят, но не обязан обрывать. Может не согласиться, но не обязан делать вид, что собеседник глуп.

Самоконтроль не делает руководителя мягким. Напротив, он даёт ему право быть требовательным. Люди легче принимают жёсткое решение от человека, который не наслаждается своей властью. Они могут не согласиться, могут сердиться, но внутри понимают: он не играет нами, он делает то, что считает нужным для дела.

Почему люди идут дальше

Люди идут дальше обычного усилия не из-за лозунгов.

Они идут, когда видят смысл, доверяют направлению и чувствуют, что их труд не бросают в пустоту. Воля к достижению даёт смыслу форму. Способность заботиться даёт людям основание не ожесточиться.

В хорошей команде требовательность не пугает сама по себе. Пугает несправедливость. Когда требования ясны, когда руководитель сам работает, когда ошибки разбирают честно, когда вклад замечают, люди выдерживают много. Они могут устать, спорить, ворчать, но они остаются в деле. Потому что понимают: здесь не играют в заботу и не поклоняются цифрам. Здесь пытаются делать работу достойно.

Линкольна в мемориале изобразили с двумя руками: одна сжата, другая раскрыта. В этом есть точность, которую трудно заменить длинным объяснением. Сжатая рука нужна, чтобы удержать цель, не отступить, не распустить всё по сторонам. Открытая рука нужна, чтобы помнить, ради кого всё это делается и что победа без милосердия может отравить следующий день.

Так и стоит руководитель. Одной рукой он держит дело. Другой не даёт себе забыть людей. Если отпустить первую, всё расплзётся. Если закрыть вторую, вокруг останется только страх и усталость.

На этой опоре строится всё дальнейшее. Можно учиться стратегии, переговорам, управлению, публичной речи. Можно развивать решительность, искать союзников, внедрять новые методы. Но если нет этого равновесия, навыки начина-

ют служить не лидерству, а чему-то более бедному. Карьере, власти, личной победе, красивому отчёту.

А лидерство всё-таки шире. Оно требует результата, потому что без результата добрые намерения ничего не стоят. И оно требует заботы, потому что результат, добытый ценой человеческого опустошения, редко бывает прочным.

В этом нет лёгкой формулы. Каждый день придётся заново выбирать тон, меру, слово, действие. Где надавить. Где подождать. Где помочь. Где отказать. Где признать, что человек больше не подходит для этой работы. Где дать ему ещё один шанс. Вот почему лидерство не похоже на инструкцию. Оно похоже на ремесло, в котором ошибка видна не сразу, а цена иногда приходит позже.

Но если держаться этой простой опоры, многое становится яснее. Дело должно двигаться. Люди должны оставаться людьми. Всё остальное вырастает отсюда.

Комната, где учатся не молчать

Нак говорил, что группа начинается не тогда, когда люди садятся в круг, а тогда, когда первый человек понимает: отсидеться не выйдет. Мне эта мысль сначала не понравилась. Я вообще плохо отношусь к фразам, которые звучат слишком правильно. В них часто прячется взрослый человек с папкой, готовый объяснить тебе твою же жизнь. Но у Нака с такими фразами было иначе. Он не продавал их, не украшал ими стены и не говорил голосом ведущего тренинга. Он просто бросал мысль на пол, как седло, и смотрел, кто попробует его поднять.

Комната для наших встреч находилась в старом крыле центра. Там раньше был кабинет физиотерапии. На стене еще висел кривой плакат с позвоночником, у которого каждая кость выглядела обиженной. В углу стояла кушетка с потрескавшимся дерматином. Окна выходили на парковку, где по вечерам собирались голуби и курили старшеклассники. Голуби не курили, хотя по виду могли бы.

Стулья Нак ставил кругом. Не ровным кругом, как на картинке из буклета, а как попало. Один ближе к батарее, два у окна, один всегда шатался, потому что у него была короткая ножка. Нак отказывался менять этот стул. Лена просила убрать его к черту, а он отвечал, что в жизни редко дают мебель без изъяна. Лена сказала, что в жизни редко дают пси-

холога с ковбойской пряжкой, но вот сидим же.

В группе нас было восемь. Я, Лена, Саша Титов, Света Муравьева, Артем по прозвищу Крот, Дина и Рита, которых все звали близнецами, хотя они не были родней, и Илья Синицын, парень с лицом отличника и глазами человека, который давно не спит. Собрали нас после истории с листовками. Официально это называлось профилактической программой. Нак прочитал название на первой встрече, снял очки и сказал, что тому, кто это писал, самому нужна профилактика.

Я думал, что это будет наказание. Удобное наказание. Не такое, чтобы родители возмущались, но достаточно нудное, чтобы мы пожалели о содеянном. Нас посадят в круг, заставят говорить про чувства, потом дадут бумажку с упражнениями. В школе любили такие слова. Саморегуляция. Коммуникация. Толерантность. От них пахло шкафом, где хранят сломанные проекторы.

Нак начал иначе. Он вошел в джинсовой рубашке, сапогах и с блокнотом, который выглядел старше части учителей. Поставил на стол бумажный стакан с кофе, сел, вытянул ноги и минуту молчал. Мы тоже молчали. Не из уважения. Просто не понимали, что за спектакль. Потом он сказал, что зовут его Нобору Накатани, но лучше Нак, потому что от господина у него зуд.

Артем хмыкнул. Нак повернул к нему голову и спросил, смешно ли. Артем сказал, что нормально. Нак сказал оста-

вить немного смеха на потом, потому что тут иногда понадобится. Сказал это без угрозы, но Артем сразу выпрямился. Такие люди, как Крот, привыкли слышать опасность в тоне раньше, чем в словах.

Нак достал лист с нашими фамилиями. Ему выдали короткие причины, почему нас сюда надо. Он сказал, что читал это без удовольствия. Про человека нельзя писать короткую причину. Склонен к агрессии. Испытывает трудности. Провоцирует конфликты. Это все равно что написать про лошадь: имеет ноги. Полезная информация, но далеко не вся.

Лена спросила, зачем он работает в месте, где такие формулировки производят тоннами. Нак ответил, что иногда за формулировкой сидит живой человек. А иногда целая куча живых людей, которые сделали вид, что они бумага. Мне понравилось, как он сказал куча. Нормальный взрослый сказал бы группа. Нак не боялся слов, которые пачкают обувь.

Он объяснил правила. То, что сказано здесь, не выносится наружу. Можно молчать, но нельзя делать вид, что молчание делает тебя умнее остальных. Если кто-то врет, мы не обязаны сразу тыкать его мордой в правду. Иногда человек врет, потому что правда пока без ручки, за нее не ухватишься. Еще он сказал, что тоже может ошибаться. Если ошибется, говорить. Только без театра.

Сегодня, сказал Нак, никто не обязан рассказывать всю биографию. Начнем с одного вопроса. За что вы сейчас злитесь? Тишина стала плотной. Вот в этом была его хитрость.

Не как вы себя чувствуете, не что вас тревожит. На такие вопросы можно ответить мебелью: нормально, ничего, не знаю. А за что злишься - уже опаснее. Тут у каждого что-то есть.

Лена сказала первой: за то, что взрослые врут и называют это заботой. Нак записал. Артем сказал: за то, что мне надо сидеть здесь. Нак сказал, слабовато, но берем. Рита сказала: за сестру. Дина сразу повернулась и напомнила, что она ей не сестра. Рита сказала: вот за это. Мы засмеялись, и смех вышел неровный, как первый шаг на льду.

Илья сказал, что злится за шум. Нак спросил, за какой. Илья ответил: за весь. Нак записал и не стал уточнять. Хороший ход. Илья явно ожидал, что его начнут раскручивать, как консервную банку. Когда этого не случилось, он растерялся и впервые посмотрел на Нака не как на мебель.

Света молчала. Саша тоже. Очередь дошла до меня, и я хотел сказать что-то умное. Это моя болезнь. Когда не знаешь, что чувствуешь, можно попробовать быть остроумным. Иногда прокатывает. Я сказал, что злюсь, потому что меня сюда записали свидетелем, а не автором преступления. Лена фыркнула. Нак спросил, шутка это или ответ. Я сказал, разве нельзя два в одном. Он сказал, что тогда и получишь два в одном: люди посмеются и не узнают, что ты сказал.

Я пожал плечами и сказал уже честнее. Я злюсь, что когда мы написали правду, всем стало хуже. А если бы не написали, было бы еще хуже. Выбирай, называется. Нак кивнул и сказал, что уже ближе. Неприятный старик. Некоторые люди

умеют похвалить так, что чувствуешь себя раздетым.

Света заговорила тихо. Она злилась, что теперь все думают, будто знают про нее что-то главное. Они не знают, сказала она. Они знают кусок. Самый мерзкий. И теперь, когда я иду по коридору, они такие добрые. Дверь придерживают. Не матерятся рядом. А я хочу, чтобы они были как раньше, потому что раньше хотя бы было понятно, кто есть кто.

Лена открыла рот, потом закрыла. Умный поступок. Не все умеют. Нак спросил, злится ли Света на тех, кто написал. Света кивнула. Они здесь, сказал Нак. Я знаю, сказала она. Воздух в комнате стал вязким. Лена сидела напротив Светы, и я видел, как у нее дрогнула челюсть.

Лена умела спорить с директором, отцом Мальцева, тренером, почти с кем угодно. Но перед девочкой, которой стало хуже после нашего текста, ее злость не работала. Там нужен был другой инструмент, а у Лены он еще плохо лежал в руке. Она сказала, что виновата. Света спросила, что ей от этого. Лена сказала: ничего. Света сказала: тогда не надо.

Нак не вмешивался. Взрослые обычно бросаются сглаживать. Давайте спокойнее. Мы все понимаем. Никто не хотел плохого. Они боятся живой неловкости, как огня. Нак сидел и позволял ей быть. Неловкость ходила между стульями, трогала нас за плечи и проверяла, кто сбежит первым.

Саша вдруг сказал, что злится на Свету. Света посмотрела на него так, будто получила удар. Он сказал, что из-за нее сказал правду. Если бы она тогда не стояла у стены, он бы

молчал. Играл бы дальше. Финал, тренер, все как было. А теперь он хороший парень, который сделал правильно. Дома отчим назвал его стукачом. Тренер сказал, что он подвел команду. Мама плачет и готовит супы, будто у него температура. Он не знает, куда себя деть.

Света шепнула, что не просила. Саша сказал, что знает. Она сказала, что вообще никого не просила. Он опять сказал, что знает. Вот за это и злюсь, сказал он. Казалось, сейчас все развалится. В нормальных историях человек, который заступился, говорит правильные слова, а человек, за которого заступились, благодарит. Потом музыка. В жизни благодарность может стоять рядом со злостью и желанием вернуть все назад, даже если назад было плохо.

Нак потер подбородок и сказал: хорошо. Лена взорвалась. Хорошо? Они сейчас друг друга добьют. Нак ответил, что пока нет. Она спросила, ждет ли он, когда добьют. Он сказал, что ждет, когда мы перестанем чинить то, что еще не поняли. Лена вышла, хлопнув дверью. Стекло дрогнуло, но выдержало.

Я почти встал за ней, но Нак поднял палец. Сидеть. Я сказал, что не собака. Он ответил, что тогда пойму слово с первого раза. Я сел. Разозлился, но сел. Вот что бесит в некоторых взрослых: они попадают в тон, от которого ты сам себе противен, если не слушаешься.

За дверью было тихо. Нак спросил, кто хочет сказать, что Лена неправа. Никто. Кто хочет сказать, что права. Опять

никто. Он сказал запомнить этот момент. Человек может быть не прав и не виноват одновременно. Может быть прав и виноват. Может сделать нужное дело плохим способом. Если хочется простых табличек, купите дорожные знаки.

Через пять минут Лена вернулась. Села на место. Глаза сухие, лицо злое. Она сказала Свете, что не будет извиняться второй раз. Первый не помог. Она может только сказать, что если Света когда-нибудь захочет рассказать сама, Лена поможет написать так, чтобы это был не кусок про нее, а она сама. Если не захочет, Лена не будет лезть. Света молчала. Потом сказала: я подумаю.

Для первого раза это было много. Не красиво. Не тепло. Зато живое. После встречи я догнал Нака у выхода и спросил, почему он не остановил Лену. Он ответил, что дверь не была заперта. Я спросил, всегда ли он такой спокойный. Он сказал: нет, просто я старый и медленнее показываю панику.

Дома меня ждала мать. Она сидела на кухне в халате, ела гречку прямо из кастрюли и читала распечатку нашего официального выговора. Мать работала медсестрой, поэтому любые школьные трагедии воспринимала с усталостью человека, который видел настоящие. Но это не означало, что мне можно было все.

Она спросила, понимаю ли я, что она не против правды. Я сказал, что уже чувствую поддержку. Она сказала не умничать. Она против того, чтобы я путал правду с удовольствием от взрыва. Мы не взрывали, сказал я. Нет, ответила она.

Вы разложили сухие ветки и удивились, что загорелось.

С матерью трудно спорить, когда она не орет. Орущая мать дает тебе роль жертвы, можно стоять, закатывать глаза, копить обиду. Спокойная мать заставляет слушать, а это уже нечестно. Она спросила про Свету. Ей сейчас как? Я сказал: плохо. А ты хотел, чтобы было как? Я не знал. Вот это и есть взрослая часть, сказала мать. Когда не знаю остается после того, как ты вроде сделал правильно.

На следующей встрече Нак принес веревку. Обычную толстую веревку, метра три. Бросил ее на пол в центре круга. Артем спросил, не групповое ли это повешение. Нак сказал расслабиться: сегодня упражнение. Лена застонала, что если это командообразование, она лучше сама повесится. Нак сказал, что команды из нас пока как из козла балерина, так что переживать рано.

Каждый должен был взяться одной рукой за веревку. Задача: завязать узел, не отпуская. Сначала было смешно. Потом раздражающе. Потом почти опасно, потому что Саша двигался как грузовик, Артем нарочно путался, Лена командовала, Дина спорила с Ритой, Рита говорила может, так, и никто ее не слушал. Света держала край и почти не участвовала. Илья стоял посередине, смотрел на руки и молчал.

Веревка выпала у Светы. Нак сразу сказал: все, сначала. Света покраснела и сказала, что случайно. Он ответил, что верит. Сначала. Она сказала, что это тупо. Он ответил: возможно. Сначала. И вот тут Илья, который до этого молчал,

сказал, что надо перестать двигаться всем сразу. Если все решают, веревка запутается. Пусть двигаются двое, остальные держат.

Мы попробовали по Сеницыну. Узел вышел через две минуты. Не красивый, но узел. Нак потрогал его и сказал, что жить будет. Потом добавил, что иногда самый тихий видит схему, потому что не занят доказательством собственной полезности. Илья покраснел. Нак сказал, что похвалил его, и это придется пережить.

Когда мы сели, Света сказала, что отпустила веревку, потому что испугалась. Когда все стали тянуть, ей показалось, сейчас кто-то заорет на нее. Она отпустила заранее. Саша тихо сказал, что не собирался орать. Она ответила: я не про тебя. Это был первый раз, когда она сказала что-то про себя не как про событие, а как про механизм.

Нак спросил, часто ли она отпускает заранее. Света пожала плечами. Если понимаю, что все равно виноватой буду. Помогает? Нет. Но привычно. Она кивнула. Лена сидела очень тихо. Я видел, что ей хочется что-то сказать, но она держит рот закрытым. Для Лены это было почти спортивное достижение.

Саша сказал, что он наоборот держит. Все. Даже когда надо отпустить. Команду. Дом. Маму. Брата. Если отпустит, как будто все развалится. Нак спросил, а оно? Саша ответил: и так разваливается. Тогда зачем держишь? Саша посмотрел на свои ладони и сказал: потому что руки есть. Нак записал

эту фразу. Я тоже запомнил.

Артем сказал, что он режет. Не себя, уточнил он, увидев наши лица. Провода. Доступы. Связи. Если кто-то начинает доставать, он просто исчезает. Новый аккаунт, новый номер, новая почта. Вышел из чата, и все. Люди и есть чаты, только хуже интерфейс. Рита спросила, а если человек нужен. Артем сказал, что нужных нет, есть временно удобные. Дина сказала: врешь. Он не стал спорить убедительно, и это его выдало.

После этой встречи группа изменилась. Не стала дружной. Это слово слишком часто пихают туда, где люди просто перестали сразу кусаться. Мы все еще спорили, огрызались, сидели в телефонах, опаздывали, врали. Но в комнате появился странный договор: можно говорить не только броней.

Лена однажды принесла текст. Не для газеты. Для себя. Она сказала это так, будто признавала хранение оружия. Текст был про ее отца. Не прямо. Лена редко ходила прямо, если можно было зайти через окно. Она написала про мужчину, который коллекционировал правила. Для обуви, для голоса, для длины юбки, для книг на полке, для смеха за ужином.

Он не бил, читала Лена. Он объяснял. Объяснял так долго, что человек начинал мечтать, чтобы лучше ударил и закончил. Он говорил, что она свободна выбирать, но каждый выбор сначала проходил через его лицо. Если лицо становилось холодным, выбор отменялся сам. Никто не запрещал.

Просто воздух в доме портился так быстро, что хотелось открыть окно и выпрыгнуть.

Когда она закончила, Дина спросила, знает ли отец, что Лена так думает. Лена сказала, что он знает только то, что она неблагодарная. А мама? Мама знает, где лежат таблетки от головы. Эта фраза закрыла тему лучше любого замка.

Я тогда подумал о своей матери с ее гречкой, ночными сменами и жестокой способностью задавать один нормальный вопрос вместо десяти удобных. У меня тоже были претензии, конечно. Подросток без претензий к матери - это либо святой, либо врет. Но слушая Лену, я впервые за долгое время захотел прийти домой и не начинать с защиты.

Не пришел, конечно. Не надо делать из меня хорошего мальчика. Я пришел и сказал, что суп пересолен. Мать сказала, что я могу сварить свой. На этом наша семейная близость временно закончилась.

У Саши все было хуже. Однажды он пришел с разбитой губой. Сказал, что упал. Даже не постарался. Люди, которые часто врут про синяки, обычно делятся на два типа: одни придумывают романы, другие говорят так плохо, что просят тебя не унижать их проверкой. Нак посмотрел на губу и спросил: кто? Саша сказал: дверь. Нак ответил, что дверь пусть приходит, поговорим.

Саша сказал не надо делать вид, что Нак может что-то исправить. Службы уже вызывали. Отчим уходит на неделю, мама плачет, потом он возвращается. Или не возвращается,

и она плачет еще хуже. Брат спрашивает, когда он придет, потому что без него денег нет. Все прекрасно работает. Нак сказал, что Саша не обязан быть там стеной. Саша спросил: а кем? Семнадцатилетним парнем, ответил Нак.

Саша засмеялся плохо. И что делает семнадцатилетний парень, когда его брат сидит в ванной и не выходит? Нак не ответил сразу. Быстрый ответ был бы ложью. Потом сказал, что иногда выводит брата из ванной, иногда звонит тем, кто обязан вмешиваться, иногда ночует у друга, иногда признает, что не может быть отцом, полицией, кошельком и стеной одновременно.

Света вдруг сказала, что можно к ним. Если надо. У них диван. Мама будет не против. После всего она стала как пожарная сигнализация, ей только дай кого спасать. Саша смотрел на нее, будто она говорила на иностранном языке. Я не просил, сказал он. Я знаю, ответила Света. Тогда зачем? Она пожала плечами: ты тоже не спрашивал, когда вышел в коридор.

Тут Саша отвернулся к окну. Не чтобы скрыть слезы. Он не плакал. Просто иногда человек поворачивается, потому что лицо не успевает за тем, что происходит внутри. Нак тихо сказал: вот это запишем без бумаги.

После встречи Саша ушел быстро. Света тоже. Лена смотрела им вслед и сказала, что если они подружатся, это будет очень странно. Я сказал, что лучше так, чем если мы все останемся как были. Лена сказала, чтобы я не становил-

ся мудрым, мне не идет. Потом добавила, что мой ход. Все уже что-то вытащили. Даже Крот признался, что у него есть сердце, просто с плохим интерфейсом. А я все шучу.

На следующей встрече Нак принес старую жестяную коробку. Сегодня пишем записки, сказал он. Без имен. Один вопрос, который вы не хотите задавать вслух. Анонимность странно развязывает руки. С одной стороны, вроде можно быть честным. С другой - можно быть подлым. Нак предупредил: если кто-то напишет гадость ради гадости, я не умру. Но вы сами будете знать, что в комнате сидит трус с ручкой.

Первая записка была: почему родители заводят детей, если потом им все время мешаешь? Нак сказал, что иногда родители хотят любви, а получают работу. Иногда думают, что ребенок починит брак, одиночество или их самих. Ребенок ничего такого чинить не обязан. Иногда родители любят, но устали так, что любовь идет через грязный фильтр. Мешать и быть ненужным - разные вещи.

Вторая записка: если я сам виноват, что со мной плохо обращаются, это считается? Нак долго смотрел на лист. Потом сказал, что люди часто ищут свою вину там, где страшно признать чужую. Если я виноват, значит, я могу стать хорошим, и тогда меня перестанут обижать. Это дает надежду. Плохую, но надежду. Если виноват другой, а ты не можешь его остановить, становится совсем страшно.

Следующая: можно ли ненавидеть человека и скучать по нему? Нак усмехнулся без радости. Можно. Еще как. Челю-

век плохо раскладывается по коробкам. Особенно тот, кто дал тебе и хлеб, и страх. Ненависть не отменяет привычку ждать шаги в коридоре. Тоска не доказывает, что человек был хорошим. Она доказывает, что он был важным. Важные люди иногда делают с нами такое, что лучше бы они были никто.

Саша встал и вышел. Нак не остановил. Через минуту за ним вышла Света. Это заметили все. Никто не сказал ни слова. Потом Нак прочитал мою записку. Я понял это сразу, хотя старался менять почерк. Если я все превращаю в шутку, где я настоящий?

Нак поднял глаза. Я сделал вид, что мне интересно, кто же это написал. Получилось плохо, потому что Лена посмотрела на меня с выражением ну-ну. Нак сказал, что, может быть, настоящий как раз тот, кто шутит. Не надо обижать шутку. Юмор спасает людей не хуже лекарств. Вопрос в другом: шутка открывает дверь или закрывает? Если после нее стало легче сказать правду, это дверь. Если все посмеялись и ушли от правды, это замок.

Я ненавидел его примерно минуту. Потом перестал. Не потому, что простил. Просто фраза попала туда, где давно болело, а злиться на точное попадание трудно долго.

Когда Саша и Света вернулись, у Саши были красные глаза. Он сел и сказал: дальше. Нак прочитал еще несколько записок. Про страх спать без света. Про желание исчезнуть на неделю, чтобы посмотреть, кто заметит. Про то, что иногда

хочется ударить младшего брата, потому что он плачет, а потом от этого хочется ударить себя. Про то, что быть хорошей дочерью тошно.

Комната уже не была кабинетом физиотерапии. Она стала складом вещей, которые обычно держат под кроватью, за батареей, в закрытой папке, в горле. В конце Нак сказал, что сегодня без выводов. Идите ешьте, спите, ругайтесь с родителями, делайте уроки. Только не делайте вид, что ничего не было. Это вредно для печени. Артем спросил, почему для печени. Нак сказал, что не знает, но звучит убедительно.

Мы впервые вышли всей группой. Не строим, конечно. Просто так получилось. В коридоре Света шла рядом с Сашей. Дина и Рита спорили, кто из них написал записку про хорошую дочь. Артем доказывал Илье, что школьная сеть защищена хуже, чем холодильник от голодного кота. Лена шла рядом со мной.

Она спросила: дверь или замок? Я сделал вид, что не понял. Она сказала: твои шутки. Я ответил, что зависит от дня. Сегодня, наверное, замок барахлит. Она улыбнулась и сказала, что уже что-то.

Дома я застал мать на кухне. Она резала хлеб, рядом остывал суп. Я взял тарелку сам, налил, сел. Она посмотрела удивленно. Что, без комментариев про соль? Я сказал, что сегодня выходной. У соли? У меня. Мы ели молча. Потом я спросил, хотела ли она когда-нибудь, чтобы меня не было.

Нож остановился. Я понял, что вопрос вышел не так. Или

как раз так. Мать сказала: нет. Слишком быстро. Я попросил подумать. Она положила нож и сказала, что хотела, чтобы я замолчал, поспал, перестал болеть, когда у нее смена через три часа. Хотела выйти на лестницу и пять минут не быть ничьей матерью. Хотела, чтобы мой отец был не мудаком. Хотела много чего. Чтобы меня не было - нет.

Я сказал спасибо. Она спросила, откуда вопрос. Я сказал: из коробки. Мать умела не лезть, если очень старалась. В тот вечер старалась. Я ел суп. Он был пересолен. Я промолчал. Не потому, что стал лучше. Просто иногда человеку можно подарить молчание, если больше дарить нечего.

Следующие недели не сделали нас здоровыми, счастливыми и дружными. После хорошего разговора человек не превращается в удобную версию себя. Саша все еще сжимал кулаки, когда кто-то хлопал дверью. Света все еще вздрагивала от громкого смеха за спиной. Лена все еще могла словом снять кожу. Артем все еще исчезал, если становилось слишком близко. Я все еще шутил в самый неподходящий момент.

Но кое-что сдвинулось. Саша несколько раз ночевал у Светиных. Потом у нас. Мать постелила ему на кухне и утром накормила так, будто собиралась отправить на лесоповал. Он сказал спасибо шепотом, глядя в тарелку. Я не стал шутить. До сих пор горжусь.

Лена отдала Свете тетрадь. Не дневник, сказала она. Дневник звучит как розовая дрянь с замочком. Просто место, где

можно писать гадости без свидетелей. Света спросила, а если она напишет про Лену. Лена сказала писать крупно, у нее зрение садится. Света взяла тетрадь и спрятала в рюкзак так бережно, будто это был не предмет, а выход.

Артем помог Илье настроить на телефоне белый шум, чтобы тот мог спать. Сказал, что это не забота, а техническое обслуживание. Илья ответил, что интерфейс улучшился. Они оба сделали вид, что это не дружба.

У Нака была привычка в конце каждой встречи записывать пару строк в свой блокнот. Однажды он сам прочитал. Лена Коробова: злость как броня, под броней голова работает лучше, чем сердце успевает. Саша Титов: привык быть стеной, надо учить дверям. Света Муравьева: отпускает веревку до того, как ее обвинят, сегодня держала на три секунды дольше. Артем: режет провода, но приходит чинить чужие. Про меня он написал: шутит на поворотах, когда дорога прямая, теряется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.